

УДК 271(908)

**ФОРМИРОВАНИЕ МОНАСТЫРСКИХ ПУСТЫНЕЙ В ВЯТСКОМ КРАЕ
В XVI–XVII вв.**

© 2015 г.

Е.В. Кустова

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

kustovael@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2015

Рассматриваются вопросы создания пустыней в Вятском крае в последней четверти XVI – XVII в., анализируются условия их возникновения, выявляются инициаторы, показана роль экономического фактора, государства и мирских сообществ в этом процессе. Формирование пустыней в Вятском крае имело схожие черты с Пермью Великой, что было обусловлено значением сибирского тракта и колониционными процессами. Церковным фактором распространения негородских монастырей стали почитаемые иконы, а также образование Вятской и Великопермской епархии. Велика была роль в этом процессе субъективного фактора. Если городские монастыри были исключительно «мирскими», то пустыни практически всегда являлись результатом личной инициативы. Государство, несмотря на стремление ограничить монастырское землевладение, также оказывало поддержку новым обителям, поскольку было заинтересовано в освоении малозаселенного края.

Ключевые слова: монастырские пустыни, Вятский край, монашествующие, преп. Трифон Вятский, сибирский тракт, земельные владения, государственные пожалования, личностный фактор, чтимые иконы.

К началу XVI в. в Вятском крае упорядочивается церковная организация, утверждаются православные традиции, создаются сельские приходы, увеличивается число храмов в городах. Все это становится предпосылкой для монастырского строительства в крае. Традиционно начальной точкой развития вятского монашества считается основание преп. Трифоном Вятским в 1580 г. Успенского монастыря в г. Хлынове. Хотя отдельные монашествующие были в крае еще до появления обители [1]. Тем самым была заложена основа дальнейшего распространения монашества на Вятке. Под влиянием или при непосредственном участии монахов Хлыновского Успенского монастыря на рубеже XVI–XVII вв. строятся основные вятские обители [2, с. 220–222].

В этот период существовали как городские, так и негородские монастыри, которые в документах нередко именовались пустынями. В то же время само слово «пустынь», связанное с монашеством, могло иметь в источниках три значения – как небольшой негородской монастырь, как уединенное поселение отшельника и как вотчина крупного монастыря [3]. Целью нашей статьи является рассмотрение первого типа пустыней.

Пустыни, представлявшие собой самостоятельные монастыри, различались между собой по месту, а следовательно, и по условиям своего основания. С одной стороны, они могли создаваться самими монахами в лесах и при дорогах,

в отдалении от населенных пунктов. С другой стороны – они возникали в селах по инициативе мирских сообществ.

Хлыновский Успенский монастырь дал толчок к образованию в крае небольших **монастырских пустыней**, не связанных с городами. Первые пустыни были созданы в Слободском уезде. Причем они появились раньше, чем был основан монастырь в уездном городе.

Одной из первых возникла **Верховятская Преображенская Екатерининская пустынь**. По местному преданию, когда преп. Трифон шел на Вятку, в 1579 г. он построил здесь обетную церковь-часовню, которая, по сведениям более поздних источников, сохранялась вплоть до XIX в. Это была характерная для того времени церковь-обыденка, т.е. построенная «об один день» [4, с. 35–36]. Правда, в житии святого, написанном в середине XVII в., о построении храма ничего не говорится: «И когда преподобный дойде верх Вятки реки, идеже ныне стоит монастырь всемилостиваго Спаса и святя великомученицы Екатерины и ту преподобный труда ради путнаго восхоте мало почити и вятския воды испити... и бысть ему та вода яко мед сладка. Святыи же о сем прослави Бога и Пресвятую Богородицу и паки поиде в вятские страны» [5, с. 63].

Спустя 2–3 года после этого (в 1581/82 г.) недалеко от этого места старец Гурий вместе с «черным попом» Павлом, ставшим впоследствии строителем пустыни, поставили «...на

Вятском волоку, в пустом месте, на лесу, в дичи церковь Преображения Спасова и великия Христовы мученицы Екатерины и монастырь устроили, и трудников собрали десять человек» [6, с. 217–218]. С большой долей вероятности следует полагать, что монастырь строился по благословению преп. Трифона и в указанном им месте.

Жизнь монастыря, а возможно, и его основание было связано с местным чтимым образом вмч. Екатерины. В старом храме, построенном по преданию преп. Трифоном, находился «образ чудотворной великие Христовы мученицы Екатерины» [7, с. 41]. Известно, что преподобный особо чтит эту святую и в честь нее освятил особый придел в Успенском соборе Трифонова монастыря [8, с. 1].

Грамоты на основание пустыни и построение храма не известны. Практически не сохранилось грамот на основание и построение церквей и других вятских пустыней XVI–XVII вв. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли было построение храма и основание даже небольшого монастыря без разрешения духовных властей? Государство и Церковь стремились поставить процесс формирования пустыней под свой контроль, требуя на их создание особого разрешения со своей стороны. Так, Стоглавый собор 1551 г. запретил монахам самочинно основывать пустыни, которые отныне могли строиться только с благословения епископа [9, с. 362]. Только патриарх или местный архиерей имел право выдавать антиминос, без которого невозможно было богослужение.

Судя по сохранившимся грамотам последней четверти XVI – первой половины XVII в., до создания Вятской и Великопермской епархии грамоты на построение и освящение храмов и основание монастырей выдавались московским патриархом [10, с. 1–14, 509, 511]. Также по сведениям дозорной книги кн. Ф.А. Звенигородского 1615 г., вятские пустыни встали «по государевым грамотам», т.е. создавались монахами не самочинно, а с разрешения высших властей [11, с. 202]. Все это свидетельствует о том, что за грамотами монахи обращались к высшим духовным и светским властям. Однако требовалось время для получения грамот. Поэтому первое время, пока грамоты и антиминоса не имелось, монахи могли служить на антиминосе, взятом из своего монастыря (если храмы были многопридельные и не во всех приделах служили или в монастыре хранились вышедшие из употребления старые антиминосы), а также могли брать антиминос для служения из ближайшего сельского храма. Есть основания думать, что первоначально в силу

удаленности и слабой зависимости от московских владык небольшие монастыри в Приуралье иногда могли создаваться без их благословения. Однако когда требовались получение и официальное закрепление земельных владений, льгот, пожалований, ружного жалования и пр., они были вынуждены обращаться к высшей светской и духовной власти.

Почти 15 лет Екатерининский монастырь не имел угодий. В результате братии приходилось питаться «о Христе прося милостыни», что было возможно благодаря расположению монастыря на сибирском тракте. Откликаясь на просьбы иноков, 1 декабря 1595 г. царь Федор Иванович безоблично пожаловал монастырю не только «дикий лес» и пустоши, но и земли с залежами железной руды, солевые источники, бобровые и рыбные ловли, лесные угодья. В 1598 г. монастырь по челобитной строителя Павла получил в оброк новые пашни и покосы, рыбные ловли и бобровые гоны. В 1614 г. челобитную подавал уже один старец Гурий, прося царя защитить монастырские угодья «от насилства крестьян Волоснитския волости» [6, с. 217–218].

Спустя 10 лет после основания Екатерининской пустыни, в 50 верстах от нее и, возможно, ее иноками была основана **Холуницкая Троицкая пустынь**. Хотя первоначально вокруг монастыря не было сел, он располагался на верхнекамском тракте, т.е. мог рассчитывать на определенную помощь от проезжающих. О времени основания монастыря и появления храмов свидетельствуют 3 патриаршие грамоты на построение храмов в указанной пустыни: 1593/94 г., 1598/99 г. после пожара и 1602/1603 г. [12, л. 25]. В результате за 10 лет, как видно из грамот, храм пришлось возводить трижды.

Одновременно с постройкой храмов строитель пустыни, обеспокоенный обеспечением братии, просил царя пожаловать пустыни земельные угодья для обеспечения братии. В отличие от Екатерининской пустыни, Холуницкая сразу при своем основании по грамотам царя Федора Ивановича 1593/94 и 1595/96 гг. получила «на образы, и на книги, и на вино, на церковное и на всякое церковное и на монастырское строенье и братья на пропитание» р. Солоную «с колодезем» и вдоль нее пашенные и сенные покосы с речками и озерами «и со всеми угодьями» «на монастырской стороне». Благодаря активной деятельности монахов, земли стали быстро осваиваться. В дозорной книге приказчика Федора Рязанцева 1599/1600 г. указывалось, что «у Троицкой пустыни пашни у монастыря роспахали старцы своими руками и монастырских крестьян». В то время у пустыни уже было распахано 51 четверть в поле,

«а в дву потому ж», и расчищено сенных покосов на 100 копен по р. Холунице, построена на р. Быче мельница колотовка» [13, с. 210–212]. Таким образом, царская власть не только давала разрешение, но и оказывала материальную поддержку новой обители.

Однако строительство пустыни проходило в непростых условиях. Пожалование монастырю угодий создало предпосылки для столкновения с местными крестьянами. Поскольку первые жалованные царские грамоты на угодья сгорели во время пожара, который был между 1596–1598 г., этим воспользовались местные крестьяне, получив эти земли по ложной челобитной в годы Смуты. Гурий с братией просил царя вернуть эти земли и владеть ими по-прежнему «безданно и безобочно» [13, с. 210–212].

Третьей пустыней, основанной в Вятском крае, стал **Верхочепецкий Крестовоздвиженский монастырь**. Впервые он встречается в документах в 1608 г. Место для монастыря было выбрано уединенное, на берегу р. Чепцы, поросшем диким лесом. Здесь монахи срубили деревянную холодную церковь и в 1604 г. освятили ее во имя Честнаго и Животворящего Креста Господня. В последующие годы в монастыре были построены настоятельские кельи, хлебная, амбары для хранения муки и зерна, а также погреба.

Слабая заселенность и удаленность монастыря от значимых дорог не способствовали поступлению значительных пожертвований. Поэтому по челобитной старца Гурия в 1608 и 1614 г. пустынь получает от царя оброчные земли – «дикое рамень, черный лес» вверх по р. Чепце, по обе стороны от Тютрюминских гор, с условием распахать пашни и расчистить сенные покосы, а также оз. Островное с курьей [14, с. 213]. Однако пожалованные земли столкнули интересы монастыря и окрестных крестьян, которые раньше угодьями пользовались безобочно. Как жаловался в 1614 г. старец Гурий, «...приезжают де к ним насилством Каринские волости Отяки и сенные их покосы насилством косят и пашни де ему не велят пахать и утражают всякими угрозами». В грамоте 3 мая 1614 г. царь указал вятскому воеводе беречь от каринских татар, «чтоб они в их угодья не въезжали и сенных покосов насилством не косили» [15, л. 1–2; 16, с. 214].

Какие общие черты можно отметить в истории первых вятских пустыней?

В отличие от городских монастырей, где ведущая роль принадлежала местным сообществам, они создавались по инициативе монашествующих. Причем есть основания предполагать, что все три пустыни или, по крайней мере,

две из них связаны со старцем Гурием. Во всех документах Гурий называется или строителем (настоятелем) монастыря, или простым «чернецом», помощником настоятеля. Если речь идет об одном человеке, то с большой долей уверенности можно говорить о нем как о бывшем монахе Трифонова монастыря, сподвижнике преп. Трифона в первые годы основания обители в г. Хлынове, который, в частности, помогал перевозить храм из Слободского в Хлынов для новой обители [5, с. 70–72; 17, с. 65].

Многие из монастырей были основаны или строились при поддержке монахов Успенского Трифонова монастыря.

Также возможно, что среди первых иноков были выходцы из Казанской епархии, призванные помочь преп. Трифону в основании монастырей. Об этом косвенно свидетельствуют следующие факты: Трифон был хорошо знаком с казанским митрополитом Гермогеном, которому он предсказал патриаршество и мученическую кончину, а также был знаком с казанским воеводой И.М. Воротынским, который дал Хлыновскому монастырю вотчину в Казанском уезде. Кроме того, в конце XVI в. строителем Холуницкого монастыря называется Гурий Казанец, а Слободского – Иоасаф Казанец, что указывает, по-видимому, на место их происхождения [10, с. 510; 18, стб. 808].

Все три пустыни по причине удаленности от жилых мест строились на средства самих монашествующих, в частности на средства старца Гурия. Это отличало их от первых городских монастырей в г. Хлынове, Слободском, Котельниче, которые являлись «мирским строением», т.е. строились на средства и по инициативе местных городских общин.

Первые 4 монастыря возникли на сибирском тракте – в г. Хлынове, Слободском, а также Холуницкий и Верховятский Екатерининский. Следует отметить, на том же тракте, но уже в пермских землях были созданы в XVII в. Кайгородская, Плесинская и Верх-Яйвинская пустыни.

Несмотря на государственную политику сдерживания монастырского землевладения, все пустыни получили от царя земельные угодья, которые начинают активно, в меру возможностей, осваиваться. В свою очередь, они становятся местом притяжения для крестьян, которые приходили как из центральных вятских, так и северных земель. Вскоре около пустыней благодаря прибывшим крестьянам возникают монастырские слободки, а позднее, и села [19, с. 152, 156, 163–165]. Первоначально монахи сами участвовали в расчистке и распашке новых земель наравне с крестьянами. Но постепенно, когда крестьянство начинает уве-

личиваться, монахи перестают лично работать на земле.

Однако отношения с местным населением не всегда были добрососедскими. Из-за спорных вопросов относительно земельных владений, на начальном этапе своего существования пустыни имели столкновения как с коренным (татарами, удмуртами, марийцами), так и русским населением.

После 1615 г. монастырское строительство в Вятском крае приостановилось почти на 50 лет, вплоть до начала 1670-х гг. В это время появилось только 2 новые обители, причем обе – негородские.

Истобенский Троицкий монастырь стал первым в Орловском уезде. Он располагался на р. Вятке в Истобенской волости (ныне в Оричевском районе Кировской области). Первое упоминание о нем относится к переписи А. Толочанова 1629 г.: «Да подле Истобново ж погосту монастырь Живоначальные Троицы стал вново, а на монастыре церковь теплая с трапезою во имя Живоначальные Троицы да предел Введение Пречистые Богородицы, а в церкви образы и книги и колокола строенье монастырское, а на монастыре две кельи, а живут в них черные старцы, да около монастыря живут на монастырской земле монастырские бобыли, а дают они оброку в монастырь на церковное строенье» [20, с. 51]. Опираясь на эти сведения, исследователи обычно дают широкие хронологические рамки его основания – с 1595 по 1629 г. [19, с. 161; 2, с. 221; 21, с. 239; 22, с. 52]. Однако документы позволяют определить более точное время возникновения обители. В начале XVIII в. в Истобенском монастыре хранилась грамота патр. Филарета от 25 февраля 1624 г., данная по челобитию церковного старосты Истобенской волости «Федки Иванова сына Устюжанина», которая сообщала о постройке на месте будущего монастыря храма: «Обещались де они на Вятке на старом Городише ниже посаду над рекою над Вяткою воздвигнуть храм во имя Пресвятей и Живоначальные Троицы да в пределе Введение Пресвятые Богородицы и как бы их благословити и велети б им на тот храм и на предел лес ронить и давать антимины». Патриарх разрешил построить храм с условием, чтобы был «предел церкви олтар особно», а по построении дать антимины и освятить церковь священнику с диаконом [23, л. 66–66 об.]. В следующем «...134 году (1625/26) на Вятке воевода Петр Мансуров дал к церкви Троицы Живоначальные да Введению Пресвятые Богородицы в Истобенской волости, у речки Сингиревы дикое раменье черной лес под пашню на полчети выти, а в книги тое земли дачи своей не

написал не ведомо почему» [24, с. 59]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что монастырь был воздвигнут с 1625 по 1629 г. А фраза из грамоты 1670 г., что в 1629 г. писец «Афонасей Толочанов... тое де церковь в Истобенской волости написал монастырем», свидетельствует о том, что, по-видимому, именно с этого года он официально стал считаться монастырем [24, с. 59]. А инициатива в постройке храма, ставшего вскоре монастырем, принадлежала местному сообществу.

Кроме того, в середине 1640-х был основан **Усть-Святицкий Спасский монастырь**. Он располагался в Чепецком стане Хлыновского уезда, в 38 верстах к юго-востоку от Слободского, на р. Святице, вблизи впадения ее в р. Чепцу. Точная его локализация стала предметом дискуссий, поскольку на р. Чепце было два притока с названием Святица. Но, как вполне обоснованно показал В.И. Сычев, речь идет о правом притоке р. Чепцы, который располагается в современном Слободском районе [25, с. 50–52], а не в Фаленском, как полагали ранее А.В. Эммаусский, Н.П. Шулепов и Н.А. Спасский [26, с. 58; 27]. О локализации монастыря у с. Игумнова еще до революции писали также А.А. Замятин и В.В. Зверинский [28, с. 23; 29, с. 204].

По данным П. Н. Луппова, который, вероятно, опирался на несохранившиеся ныне документы, монастырь существовал с 1645 по 1685 гг. [19, с. 156; 30, с. 7]

В 1648 г. монастырь назывался «новая пустынь Спасский монастырь с усть Святицы». Игуменом в 1647–1650 гг. упоминается Антоний (Ашихмин), который, по-видимому, являлся основателем обители [31, с. 54; 32, с. 61]. В своей грамоте от 4 августа 1647 г. патриарх Иосиф позволил игумену Антонию на купленной им земле построить церковь во имя Спаса, которая дала название обители. Как писал игумен в своей челобитной, «обещался де он в Хлыновском уезде в Чепецком стану на купленном оброчном починке воздвигнуть вновь храм во имя Всемилостивого Спаса нерукотворного образа да в пределе Алексея человека Божия». Патриарх позволил игумену с братией «лес ронить», а по построении храма «антиминсы дать и освятить». При этом дал указания строительного свойства: «а царския двери были б не на одном брусу» [10, с. 9–10]. Правда, о монастыре в грамоте ничего не говорится.

Монастырь был построен по обету и на средства игумена. В 1648 г. царь дал «раменье – дикой лес» при р. Святице, Вохме, Соме, Дубовице под пашню на льготных условиях на 4 года безоброчно. Спустя два года, в 1650 г., монастырь получил оброчное место для построения

мельницы, а также санные покосы и наволоки по р. Святице [31, с. 54; 32, с. 61].

Новый подъем в монастырском строительстве отмечается в последней четверти XVII в., что напрямую можно связать с появлением на вятской кафедре архиеп. Ионы (1674–1699), который отличался от своего предшественника активной деятельностью по обустройству недавно образованной Вятской и Великопермской епархии.

Создание монастырей в тот период облегчалось тем, что для их создания не требовалось решения патриарха или царя – достаточно было благословения местного архиерея. Это ускорило создание новых обителей. Особенностью этого периода являлось то, что нередко их появление было связано с местными почитаемыми иконами. Инициаторами создания монастырей выступали, как правило, частные – духовные или светские лица. Причем оба эти фактора нередко соединялись.

В 1676 г. был создан **Куринский Архангельский монастырь**. В грамоте епископа Вятского и Великопермского Ионы от 20 июня 1676 г. на основание пустыни показаны условия и предпосылки ее появления. Инициатором создания обители, судя по грамоте, был дьячок Покровской церкви с. Курино Петр Рогачев, который подал прошение на имя архиерея. В нем он, в частности, сообщал, что «в нынешнем де 184 году обещался он в новокупленной своей деревне в той же Куринской волости над Куринкою рекою ограду оградити и в той ограде церковь теплую деревянную по монастырскому чину построити во имя Архистратига Божия Михаила на общежителное собрание монахом и христоролюбивым людем душевнаго ради спасения, а с тою своею новокупленною деревнею обещался он дати близ тоя деревни на препитание братии мелницу и санные покосы и всякия угодыя, что с тою деревней в купчей написаны». Владыка благословил создание общежительного монастыря, указав при построении церкви выдать для освящения масло и миро, а также антиминос [10, с. 511–512]. Спустя 2 года, в 1678 г., монастырь приобрел следующий вид: «Починок был Микитки Перестронина с товарищи над речкою Куринкою, а ныне на том месте построен вновь монастырь, а в том монастыре церковь во имя воспоминания бывшего чудеси Архистратига Михаила. В монастыре черный поп Ияков с братьею» [33, с. 122]. Предпосылкой к созданию обители стала почитаемая каменная икона Архангела Михаила, по преданию обнаруженная во время пахоты в земле [34, с. 394–395].

Большую помощь в создании обители оказал местный священник Михаил Лопатин, построивший храм в честь своего небесного покрови-

теля, а также его сын, архимандрит Хлыновского Успенского монастыря Александр «по обещанию своему» на свои личные средства выстроил церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирской с трапезой и с келарской. Они же стали и «благоукрасителями» храмов, вложив в монастырь иконы, церковную утварь и книги [23, л. 1 об. – 4 об., 6 – 9 об.].

С чтимой иконой была связана **Раифская Богоявленская пустынь в с. Пышак**. Она располагалась в Орловском уезде, в 50 верстах к северо-востоку от г. Орлова, при р. Пышак, впадающей в р. Великую [29, с. 145]. Опираясь на местные предания, ряд исследователей относят ее основание еще к концу XVI в. [35, с. 629–630; 36, с. 35]. Однако писцовые и переписные книги XVII в. этот монастырь не упоминают, равно как и актовые источники. Есть все основания утверждать, что он был основан около 1691/92 г. По мнению В.И. Шабалина, пустынь была основана архиепископом Вятским и Великопермским Ионой [37, л. 26, 367]. По сведениям П.Н. Луппова, пустынь была устроена на диком раменье Пышак, данном Хлыновскому Богоявленскому собору в 1692 г. [19, с. 163]. О том, что пустынь была устроена на бывших землях Богоявленского собора, косвенно свидетельствует перепись 1710 г. В Великоорецком оброчном стане, где в «Пышацкой волости» располагалась «Ираифская пустынь» упоминается 3 починка Пышацких, причем один из них принадлежал Богоявленскому собору г. Хлынова. Всего собор владел в указанной волости 13 деревнями и починками и 18 крестьянскими и бобыльскими дворами [38, л. 918–918 об., 938 об., 954 об., 955 об.]. Возможно, что именно причт Богоявленского собора стал инициатором построения пустыни. Не случайно, что пустынь также называлась Богоявленской. По обеим версиям, инициатива принадлежала духовенству г. Хлынова.

Сохранились только местные предания о создании монастыря и появлении в нем чтимого образа Раифской Божией Матери. Они представляют следующую картину основания пустыни. Сначала в Пышакском раменье стали селиться монахи. «Когда число отшельников значительно увеличилось, и была уже построена деревянная церковь, тогда настоятель этой пустыни с несколькими благочестивыми старцами, в царствование Феодора Иоанновича (в другом варианте предания – Иоанна Грозного [39, с. 32–33]. – *Е.К.*), предприняли путешествие в царствующий град Москву» для получения разрешения на основание обители и построение храма. Царь не только дал разрешение на основание монастыря, но и пожаловал

вновь образованной пустыни земли, сенные покосы и рыбные ловли по р. Великой и Озернице, всего около 33 десятин. Патриарх же выдал антиминос и посвятил монахов в священнический и диаконский сан. Также старцам была пожалована икона Раифской Божией Матери, которую предание связывает с Афоном: «образ... был написан на кипарисной доске, на горе Афонской и не задолго пред приходом в Москву старцев из пустыни был прислан с Афона Царю на благословение» [34, с. 395]. По имени иконы пустынь также стала называться Раифской.

Следует указать еще одну монастырскую пустынь, которая возникла в последней четверти XVII в. и была связана с личной инициативой монашествующих. Это **Кобрский (Закобрский) монастырь**, в 70 верстах от Котельнича. Впервые он упоминается в переписной книге 1678 г.: «Монастырь вново у реки Кобры, а в монастыре церковь во имя Введения Пресвятыя Богородицы. А в монастыре келья, а в ней черный поп Игнатей з братиею» [33, с. 145]. Монастырь указан «вново», т.е. он появился за несколько лет до переписи, в середине 1670-х гг. Поскольку все жили в одной келье, братия, по видимому, была невелика. По имени настоятеля обитель в одном из документов января 1700 г. названа Закобрской Игнатьевой пустыню [43, л. 150]. Есть основания говорить о том, что инициатором ее создания стал первый игумен Игнатий. Известно, что он был человеком высокой духовной жизни. В 1847 г. священник П. Шубин сообщал, что в с. Верхокобрском, где раньше существовал Введенский Кобрский монастырь, «первая церковь, также деревянная, маленькая, как известно по достовернейшим преданиям, существовала на северо-восточной стороне, и основана была преподобным Игнатием – первым игуменом, которого вериги – тяжелые, переломленные на плечах, по сие время хранятся (в целости) в настоящей церкви села Верхокобринскаго – как истинный памятник верного подвижничества» [41, с. 200–201]. Сообщалось о хранившихся в храме веригах «преподобного Игнатия» и в 1912 г. [42, с. 95]. Следовательно, основатель обители почитался даже после ее закрытия на протяжении более двух столетий, и, более того, почитался в местном сообществе святым, хотя официально прославлен не был. Также есть основания говорить о том, что это игумен Игнатий (Кожин), который основал в те же годы (1676 г.) в уездом Котельниче девичий монастырь [43, л. 1–2]. Немногочисленность братии вынуждала привлекать для служб белое духовенство. А для обеспечения братии монастырь получил рас-

чистой починок и займище, где работали половники [33, с. 145].

В конце XVI в. в вятских землях сложились необходимые предпосылки для создания монастырей: оформились духовные потребности местного населения, православные традиции, в т.ч. не вполне каноничный обычай принятия пострига в старости. Система православных обителей в Вятском крае сформировалась за сравнительно короткий период: с последней четверти XVI до конца XVII в. Именно в это время активно шел процесс хозяйственной и церковной колонизации Вятско-Камского региона, в котором монастыри становились активными центрами освоения новых земель, создания новых погостов и постройки храмов. Монашество в Вятском крае складывалось вслед за пермскими землями, используя их опыт монастырского строительства, что было обусловлено темпами колонизации, степенью зрелости церковной жизни и уровнем экономического развития.

В процессе монастырского строительства на Вятке велика была роль субъективного фактора. Если городские монастыри были исключительно «мирскими», то пустыни практически всегда являлись результатом личной инициативы. На первом этапе монастырского строительства на Вятке особая роль принадлежала преп. Трифону Вятскому, который оказался не только духовным подвижником, но и деятельным строителем. Благодаря ему были заложены необходимая материальная база и духовные основания монастырской жизни нескольких монастырей. Успенские иноки сыграли важную роль в распространении и утверждении в крае монашества. Если первоначально пустыни создавались монашествующими, то в последней четверти XVII в. инициатива отдельных иноков нередко стала соединяться с поддержкой крестьянских общин.

Формирование пустыней в Вятском крае имели схожие черты с Пермью Великой, что было обусловлено значением сибирского тракта и колонизационными процессами. В последней четверти XVII в. получили широкое распространение негородские монастыри в связи с почитаемыми иконами. Также способствовало созданию пустыней образование Вятской и Великопермской епархии, что ускорило принятие решений. Отмечается сходство и в гендерном аспекте: из-за достаточно сложных условий существования, пустыни были исключительно мужскими. Но в Вятском крае не существовало женских общин при пустынях, что было характерно для пермского региона.

Государство, которое в указанный период стремилось ограничить монастырское землевладение, оказывало поддержку новым обите-

лям, поскольку было заинтересовано в освоении малозаселенного края, имевшего слабую подконтрольность в церковном отношении.

Благодаря такой поддержке большинство пустыней смогло обеспечивать свое существование. Практически все пустыни утратили свою самостоятельность или вовсе прекратили свое существование уже в ходе петровских реформ первой четверти XVIII в.

Список литературы

1. Низов В.В. К вопросу о монастырском строительстве на Вятке в XV – середине XVI в. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Мат-лы 4-й научно-практической конференции. Киров, 1999. С. 30–32.
2. Сычев В.И. Вятские монастыри в конце XVI – начале XX века (историко-географическое описание) // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 220–222.
3. Кустова Е.В. К вопросу о типологии монашеских пустыней в Приуралье в XVI–XVII вв. // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практ. конф. 28 февраля 2014 г.: в 12 частях. Ч. 1. Тамбов, 2014. С. 78–80.
4. Тинский А.Г. Деревянные клетские и шатровые церкви // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура. Киров, 1996. С. 35–36.
5. Житие преп. отца нашего Трифона Вятского чудотворца / Публ., предисл. П. Шестакова. Казань, 1868.
6. Четыре царские грамоты о земельных владениях Верхо-Вятского Преображенского-Екатерининского монастыря // ТВУАК. 1905. Вып. V–VI. Отд. III. С. 217–218.
7. Слободской город и посад по книге писма и меры Ивана Борисовича Доможирова да подьячаго Ивана Кокушкина 7137 (1629) // ТВУАК. 1907. Вып. 1. Отд. 2. С. 41.
8. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (По подлинному документу 1601 г.). С предисл. А.С. Верещагина. Вятка, 1902.
9. Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985.
10. Сборник храмозданных грамот в Вятской епархии. Вятка, 1914.
11. Церковные и монастырские земли на Вятке по Дозорной книге кн. Ф.А. Звенигородского // ТВУАК. 1905. Вып. V–VI. Отд. III. С. 202–204.
12. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55. Л. 25.
13. Грамота царя Василия Ивановича Шуйского на Вятку подьячему В. Иванову об отдаче по прежнему во владение пожалованных в 1594 и 1596 гг. земель и рыбных ловель новой Троицкой Холуницкой пустыни, 1606 г. августа 22 // ТВУАК. 1905. Вып. V–VI. Отд. III. С. 210–212.
14. Грамота царя Василия Ивановича Шуйского на Вятку кн. М.Ф. Ухтомскому об отдаче на оброк дикого раменья, покосов и рыбной ловли Чепецкой Крестовоздвиженской пустыни (старцу Гурию) 1608 г. февраля 25 // ТВУАК. 1905. Вып. V–VI. Отд. III. С. 213.
15. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Хлынов Д. 14178.
16. Грамота царя Михаила Федоровича на Вятку воеводе В.Т. Жемчужникову о береженье от Каринских татар и отяков покосов и угодий Чепецкой пустыни чернеца Гурия с братией. 1614 г. мая 3 // ТВУАК. 1905. Вып. V–VI. Отд. III. С. 214.
17. Кустова Е.В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. Киров, 2013.
18. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
19. Луппов П.Н. История вятских сел // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995.
20. Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) году // ТВУАК. 1909. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 51.
21. Пислегина А.В. Монастырский комплекс как доминантный центр поселения (на примере Троицкого Истобенского и Успенского-Лихоткина Яромаского монастырей) // Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». 12–15 апр. 2005 г. Т. 1. М.: МГУ, 2005. С. 239.
22. Очерки истории Вятской епархии. Киров, 2007.
23. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 66–66 об.
24. Грамота воеводе Венедикту Змееву об утверждении за Вятскою епископскою кафедрою приписных к ней земель и крестьян // ТВУАК. 1908. Вып. 2. Отд. 3. С. 59.
25. Сычев В.И. Где же находился Усть-Святицкий монастырь? // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1999. С. 50–52.
26. Очерки истории Кировской области / Под ред. А.В. Эммаусского, Е.И. Кирюхиной. Киров, 1972.
27. Шулепов Н.П. Наша главная река // Сельский маяк. 1984. № 4.
28. Замятин А.А. Монастыри в Слободском уезде и их значение для местного края // ПККВГ на 1904 год. Вятка, 1903. С. 23.
29. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб., 1897.
30. Храмы Слободского района. Краеведческие заметки / Сост. О.В. Шкляева, Л.В. Агеева. Слободской, 2008.
31. Оброчная льготная память, данная воеводою кн. И.Т. Ухтомским Чепецкого стана новой Спасской пустыни, на устье Святицы, игумену Антонию Ашихмину, на раменье при рр. Святице, Соме, Вохме, Дубовице, 1648 г. марта 15 // ТВУАК. 1907. Вып. 2. Отд. II. С. 54.
32. Оброчная память, данная воеводою И.Ф. Соквинным новой Спасской пустыни игумену Антонию Ашихмину, на мельничное место, наволоки и сенные покосы по р. Святице, 1650 г. июля 26 // ТВУАК. 1907. Вып. 2. Отд. II. С. 61.

33. Переписная книга церковных посадских дворов города Котельнича и дворов в волостях тяглого и оброчного стана переписи Михаила Петровича Войкова и подьячего Феодора Прокофьева (186) 1678 года // ТВУАК. 1910. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 122.

34. Макаров П., свящ. Икона Раифской Божией Матери в селе Пышакском // ВЕВ. 1881. № 15. С. 394–395.

35. Чернышев А. Крестные ходы в Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1903. № 14. С. 629–630.

36. Маркелов А.В. Влияние местночтимых икон и святых Вятско-Камского региона на общественную

жизнь (на примере Вятской епархии второй половины XVII в.) // Вестник ВятГГУ. 2010. № 3 (1). С. 35.

37. ГАКО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 5.

38. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098.

39. Чудотворные и особо почитаемые иконы в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии за 1880 год. Вятка, 1879. С. 32–33.

40. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6347.

41. Шубин П. Клад или Верхокобрское село // ВГВ. 1847. №31. Часть неоф. С. 200–201.

42. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 46. СПб., 1912.

43. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 592.

FORMATION OF NON-URBAN MONASTERIES IN THE VYATKA PROVINCE IN THE 16th-17th CENTURIES

E. V. Kustova

The article deals with the creation of non-urban monasteries in the Vyatka province in the last quarter of the 16th and in the 17th centuries. The author analyzes the conditions when they were set up, identifies their initiators, shows the role of the economic factors, of the state and the secular communities in the process. There were many similarities in the establishment of non-urban monasteries in the Vyatka province and in the Great Perm, which was due to the importance of the Siberian tract and colonization processes. Proliferation of non-urban monasteries was also related to the revered icons and the establishment of the Great Perm and Vyatka diocese. While urban monasteries were exclusively «community-based», non-urban monasteries were almost always the result of personal initiative. The state, in spite of the desire to limit monastic estates, also supported new monasteries, since it was interested in the development of the sparsely populated region.

Keywords: non-urban monasteries, Vyatka province, monastics, Venerable Tryphon of Vyatka, Siberian tract, land demesne, personality factor, revered icons.

References

1. Nizov V.V. K voprosu o monastyrskom stroitel'stve na Vyatke v XV – seredine XVI v. // Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem. Mat-ly 4-j nauchno-prakticheskoy konferencii. Kirov, 1999. S. 30–32.

2. Sychev V.I. Vyatskie monastyri v konce XVI – nachale XX veka (istoriko-geograficheskoe opisaniye) // Evropejskij Sever v kul'turno-istoricheskom processe. Kirov, 1999. S. 220–222.

3. Kustova E.V. K voprosu o tipologii monasheskikh pustynей v Priural'e v XVI–XVII vv. // Nauka, obrazovanie, obshchestvo: problemy i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf. 28 fevralya 2014 g.: v 12 chastyah. Ch. 1. Tambov, 2014. S. 78–80.

4. Tinskij A.G. Derevyannye kletskie i shatrovye cerkvi // Ehnciklopediya zemli Vyatskoj. T. 5. Arhitektura. Kirov, 1996. S. 35–36.

5. Zhitie prep. otca nashego Trifona Vyatskogo chudotvorca / Publ., predisl. P. Shestakova. Kazan', 1868.

6. Chetyre carskie gramoty o zemel'nyh vladeniyah Verho-Vyatskogo Preobrazhenskogo-Ekaterininskogo monastyrya // TVUAK. 1905. Vyp. V–VI. Otd. III. S. 217–218.

7. Slobodskoj gorod i posad po knige pisma i mery Ivana Borisovicha Domozhirova da pod'yachago Ivana

Kokushkina 7137 (1629) // TVUAK. 1907. Vyp. 1. Otd. 2. S. 41.

8. Vyatskij Uspenskij monastyr' pri prepodobnom Trifone (Po podlinnomu dokumentu 1601 g.). S predisl. A.S. Vereshchagina. Vyatka, 1902.

9. Stoglav // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2. M., 1985.

10. Sbornik hramozdannyyh gramot v Vyatskoj eparhii. Vyatka, 1914.

11. Cerkovnye i monastyrskie zemli na Vyatke po Dozornoj knige kn. F.A. Zvenigorodskogo // TVUAK. 1905. Vyp. V–VI. Otd. III. S. 202–204.

12. RGADA. F. 237. Op. 1. D. 55. L. 25.

13. Gramota carya Vasiliya Ivanovicha Shujского na Vyatku pod'yachemu V. Ivanovu ob otdache po prezhenemu vo vladenie pozhalovannyh v 1594 i 1596 gg. zemel' i rybnyh lovel' novej Troickoj Holunickoj pustyni, 1606 g. avgusta 22 // TVUAK. 1905. Vyp. V–VI. Otd. III. S. 210–212.

14. Gramota carya Vasiliya Ivanovicha Shujского na Vyatku kn. M.F. Uhtomskomu ob otdache na obrok dikogo ramen'ya, pokosov i rybnoj lovli Chepeckoj Krestovozdvizhenskoy pustyni (starцу Guriyu) 1608 g. fevralya 25 // TVUAK. 1905. Vyp. V–VI. Otd. III. S. 213.

15. RGADA. F. 281. Op. 20. Hlynov D. 14178.

16. Gramota carya Mihaila Fedorovicha na Vyatku vovode V.T. Zhemchuzhnikovu o berezhen'e ot Karinskih tatar i otyakov pokosov i ugodij Chepeckoj

- pustyni cherneca Guriya s bratiej. 1614 g. maya 3 // TVUAK. 1905. Vyp. V–VI. Otd. III. S. 214.
17. Kustova E.V. Istorija Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya. V 2 t. 2-e izd. T. 2. Kirov, 2013.
18. Stroeв P.M. Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej rossijskie cerkvi. SPb., 1877.
19. Luppov P.N. Istorija vyatskih sel // Ehnciklopediya Zemli Vyatskoj. T. 4. Istorija. Kirov, 1995.
20. Kniga piscovaya Orlova goroda s uezdom 137 (1629) godu // TVUAK. 1909. Vyp. 2–3. Otd. 2. S. 51.
21. Pislegina A.V. Monastyrskij kompleks kak dominantnyj centr poseleniya (na primere Troickogo Istobenskogo i Uspenskogo-Lihotkina Yaromaskogo monastyrej) // Materialy XII Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Lomonosov». 12–15 apr. 2005 g. T. 1. M.: MGU, 2005. S. 239.
22. Oчерki istorii Vyatskoj eparhii. Kirov, 2007.
23. RGADA. F. 237. Op. 1. D. 6346. L. 66–66 об.
24. Gramota voevode Venediktu Zmeevu ob utverzhdenii za Vyatskoyu episkopskoyu kafedroyu pripisnyh k nej zemel' i krest'yan // TVUAK. 1908. Vyp. 2. Otd. 3. S. 59.
25. Sychev V.I. Gde zhe nahodilsya Ust'-Svyatickij monastyr'? // Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem. Kirov, 1999. S. 50–52.
26. Oчерki istorii Kirovskoj oblasti / Pod red. A.V. Ehmmausskogo, E.I. Kirjuhinoj. Kirov, 1972.
27. Shulepov N.P. Nasha glavnaya reka // Sel'skij mayak. 1984. № 4.
28. Zamyatin A.A. Monastyri v Slobodskom uezde i ih znachenie dlya mestnogo kraya // PKKVG na 1904 god. Vyatka, 1903. S. 23.
29. Zverinskij V.V. Material dlya istorikotopograficheskogo issledovaniya o pravoslavnyh monastyryah v Rossijskoj imperii. T. 3. SPb., 1897.
30. Hramy Slobodskogo rajona. Kraevedcheskie zametki / Sost. O.V. Shklyayeva, L.V. Ageeva. Slobodskoj, 2008.
31. Obrochnaya l'gotnaya pamyat', dannaya voevodoyu kn. I. T. Uhtomskim Chepeckago stana novoj Spasskoj pustyni, na ust'e Svyaticy, igumenu Antoniyu Ashihminu, na ramen'e pri rr. Svyatice, Some, Vohme, Dubovice, 1648 g. marta 15 // TVUAK. 1907. Vyp. 2. Otd. II. S. 54.
32. Obrochnaya pamyat', dannaya voevodoyu I.F. Sokovninym novoj Spasskoj pustyni igumenu Antoniyu Ashihminu, na mel'nichnoe mesto, navoloki i sennye pokosy po r. Svyatice, 1650 g. iyulya 26 // TVUAK. 1907. Vyp. 2. Otd. II. S. 61.
33. Perepishnaya kniga cerkovnyh posadskih dvorov goroda Kotel'nicha i dvorov v volostyah tyaglogo i obrochnogo stana perepisi Mihaila Petrovicha Voejkova i pod'yachego Feodora Prokof'eva (186) 1678 goda // TVUAK. 1910. Vyp. 2–3. Otd. 2. S. 122.
34. Makarov P., svyashch. Ikona Raifskoj Bozhiej Materi v sele Pyshakskom // VEV. 1881. № 15. S. 394–395.
35. Chernyshev A. Krestnye hody v Vyatskoj eparhii // Vyatskie eparhial'nye vedomosti. 1903. № 14. S. 629–630.
36. Markelov A.V. Vliyanie mestnochtimyh ikon i svyatyh Vyatsko-Kamskogo regiona na obshchestvennuyu zhizn' (na primere Vyatskoj eparhii vtoroj poloviny XVII v.) // Vestnik VyatGGU. 2010. № 3 (1). S. 35.
37. GAKO. F. 1404. Op. 1. D. 5.
38. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 1098.
39. Chudotvornye i osobo pochitaemye ikony v Vyatskoj gubernii // Kalendar' Vyatskoj gubernii za 1880

god. Vyatka, 1879. S. 32–33.

40. RGADA. F. 237. Op. 1. D. 6347.

41. Shubin P. Klad ili Verhokobrskoe selo // VGV.

1847. №31. Chast' neof. S. 200–201.

42. Izvestiya imperatorskoj arheologicheskoy komis-
sii. Vyp. 46. SPb., 1912.

43. RGIA. F. 796. Op. 1. D. 592.